

Terra Пoesия

**Максим Лаврентьев
Рафаэль Мовсесян
Иван Волосюк
Наталья Никулина
Дана Курская**

ВАЛ

В. Б.

Пил чай, в окно глядел, где тьма — хоть глаз коли.
 Вдруг лес окончился, как нудная поэма,
 и сотни огоньков забрезжили вдали.
 Вас рядом не было, я восхищался немо.
 Попутчик мой, сосед, что всю дорогу спал,
 теперь спешил убрать со столика вещички.
 А между тем уже, теснясь, в проходе встал
 весь пятничный народ московской электрички.
 Приехали. Опять я пялился в окно,
 и видел лишь свои в стекле глаза навывкат.
 Осклабился (ведь вы, должно быть, там, — смешно!),
 кивнул, надел берет и двинулся на выход.
 Порхнули вы ко мне, как бабочка на свет.
 Мы вечное «люблю» друг другу вновь сказали.
 Я грустно пошутил: «Прошло так много лет,
 и вот я наконец в Рязани, на вокзале».
 Потом, актерствуя, воскликнул: «Города
 и женщин лучше брать в ночи. Веди, о дева,
 на кремль!» Обнявшись, мы направились туда
 пешком, сперва вперед, потом свернули влево.
 Однако до кремля порядочно идти.
 Вот тут я пожалел, что не татарский конник:
 не выбился из сил, но чувствовал в пути
 себя по паспорту — на твердый сороковник.
 Подумал: «Отвлекись!» — и перспективы связь
 нечаянно нашел с парижскою Сорбонной,
 куда, головой вертя, не торопясь,
 мы перлись, точно два туриста, по Соборной.
 Но чтоб в отель попасть (о, если бы я знал!),
 подмерзшие уже, уставшие, как кони,
 еще мы миновать должны кремлевский вал,
 что вправо тянется от старой колокольни.
 Галдит здесь молодежь. Задать ли им вопрос,
 не знают ли они, какого века насыпь?
 Едва ли. В темноте истошно лает пес
 (его с хозяином я посадил бы на цепь).
 Ах, если б ваш поэт был молод и здоров!
 Он мог бы без труда, без всякого усилья
 легко взнестись на вал, легко спуститься в ров,

как будто за спиной не годы — только крылья.
А нынче он поднял наверх с раскрытым ртом
мешок булыжников. Пока в мешке их сорок.
А скоро высотой с многоэтажный дом
ему любой, увы, покажется пригорок.
Он, стоя на валу, метнул бы тучу стрел
и в прошлое свое, и в будущее мира,
но вместо этого лишь скорбно посмотрел
кругом, затем в себя, где неприятно, сиро,
и обратился к вам: «Как жаль, что все прошло!
Тараном времени разбиты эти стены.
Каким был раньше кремль — представить тяжело.
А видите во мне след страшной перемены?»
Последние слова не произнес он вслух,
но сердце женщины их все прекрасно знало.
Поцеловала так, чтохватило дух,
и дальше мы пошли — вперед по гребню вала.
Куда девалась вдруг ноябрьская тоска?
Где мысли черные, что так меня бесили,
и те булыжники, которые таскал
я на своем горбу в придуманном бессилье?
Взгляни со стороны — мужик в расцвете лет.
Да, склонный к мрачности, к заупокойной мессе,
но крепкий огурец, пускай и не атлет.
Не только голова, все прочее на месте.
И женщина его под стать ему вполне:
душой ребенок, но так развита наружно...
Тут я почувствовал, что поскорее мне
и много разного от этой жизни нужно.
А стены на валу — к чему теперь сдались
давно снесенные трухлявых груды бревен,
когда, подобно нам, поднялся город ввысь,
такой же труженик, и стал с минувшим ровень.

АМУР И АФРОДИТА

Сценка хоть нестрашная, а мучит:
Афродита вынуждена лечь,
чтобы из ее ступни амурчик
попытался щепочку извлечь.
Вроде бы так просто: р-р-раз! и на фиг.
Только ничего за много лет
не меняется. Поймите, nothing
changes! Вот скульптуры в чем секрет.

Не успеть, увы, богине секса
милого Адониса спасти —
будет вечно ей амур в пути
рвать занозу, как стрелу из сердца.

г. Москва

Р а з а з ы   М о в с е с я н

METAMORPHOSES

N. M.

обычный день в начале ноября:
я спал так долго, что уплыло утро.
мне снились бесконечные моря.
очнувшись, вижу: надо мною люстра.

в квартире все как было. ничего
не сдвинулось с насиженного места.
и стало очень странно оттого,
что Бог тут обитает повсеместно.

затем я встал. соленую водой
запахли мебель, шторы и одежда.
и по дороге в ванную косой
дождь начался. и я заметил: между

трюмо и гардеробом на полу
барахтаются все три сардины.
задумавшись, я подошел к столу,
который прежде в роще был осиной.

столешница промокла от дождя,
который становился все сильнее.
я посмотрел наверх, и потолка
в моей квартире не было. чернее

вдруг стало небо. воздух затрещал,
и я упал на водоросли с криком.
а возле трепыхались два леща
и били плавниками мне по икрам.
потом в груди почувствовалась дрожь,
и чешуя мое покрыла тело.
и я забыл про истину и ложь,

и только ртом захлопал неумело.

а после воды, распахнув окно,
вошли в свои владения по праву.
как много Бога с каждой волной
по ту и эту сторону от рамы.

●

когда-то люди
кололи дрова,
разжигали огонь,
набирали воду,
ходили на охоту,
стирали одежду,
мыли посуду,
листали книги,
разговаривали
и много чего еще делали.
а теперь
люди нажимают на кнопки
и иногда говорят.

г. Ереван

Иван Волостюк

●

Я смотрел невооруженным взглядом на звезды и планеты.
Я слушал невооруженным ухом голоса перелетных птиц.
Я прикасался невооруженными пальцами к остывающим камням.
Что я еще мог сделать,
чтобы остановить войну?

г. Донецк

Наталья Никитина

В ДЕРЕВНЕ

земля под парами
парное молоко.
парни с девушками
парами у реки.
паримся в баньке с тобою.

в доме портреты прежних хозяев
с высохшими цветами.
тоже парами.
трудно в деревне
жить одному.

●

зимой на кладбище
после сильных снегопадов
каждый столик стоит
словно *паска*
вынутая
из пластмассовой формочки
в окружении пасхальных куличей
по числу столбиков ограды
в ожидании Воскресенья...

г. Обнинск

Д а н а К у р с к а я

К Р Ъ С О Л О В К А

Говорят, что я вовсе не умирала.
...Те мальчишки, с которыми я играла,
Повзрослев, со мной оставались мало,
Обещав потом позвонить.

Полагаю, что кто-то меня и помнит,
В законном пространстве квартирных комнат
Молча курит, из дома уже не выходит,
И песочная рвется нить.
Я играла для них на своей свирели,
А они спасли себя, повзрослели.
В опустевшем дворе дребезжат качели.
Я на окна гляжу как вор.
Нам так нравилось в теплом песке валяться,
А теперь эти люди меня боятся
Не пускают к окнам своих домочадцев,
И опасно крестят двор.

И у тех, за кого я была в ответе,
Подрастают большие смешные дети,
Их мамыши кладут засыпать при свете,
Колыбель очертивши в круг.
Их отцы им велят повзрослеть скорее
И в качели, свирель и песок не верить.
И не дай им Бог приближаться к двери,
Если ночью раздастся стук.
И не смей замок даже пальцем трогать.
Кто стоит за дверью? Посланник Бога?
Или странник, флейтой манящий в дорогу?
Или серая злая рать?..

Мне так мало надо, чужие дети.
И звучит за дверью на всей планете
То ли детский плач, то ли просто ветер:
«Выходи со мной поиграть...»

НОЧЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Где тело погружается в источник,
Там папоротник морщит лист железный.
Как столб, в ладонь вырастает позвоночник.
И бездна пьяно обнимает бездну.

Где кости погружаются в кострище,
Там кровохлебка жадно прорастает.
И губы бездны бездны губы ищут,
И искры в небо движутся, как стаи.

Где поле ночью в сумраке исчезнет,
Там завтра жатва тропку проведет.
И бездна шепчет сны в другую бездну,
И огненная влага ей как мед.

Застыли тени у реки в лесном обряде.
...Две тряских бездны обрывают диалог,
Хватаясь за руки, ложась в кровать и глядя
На проступающий в пространстве потолок.

г. Москва